
УДК 930(470)

doi: 10.18101/2305-753X-2017-3-60-67

К ВОПРОСУ О РЕПРЕССИЯХ В «СЕМЕЙСКИХ» РАЙОНАХ БУРЯТ-МОНГОЛИИ В 1920–30-е ГОДЫ XX ВЕКА

© **Пыкин Василий Митрофанович**

кандидат исторических наук

доцент кафедры истории Бурятии

Бурятский государственный университет

E-mail: sv_vasilieva@mail.ru

Статья посвящена анализу статистических данных, включенных в состав 7 томов «Книги Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия». Особое внимание в работе уделено выявлению точного количества граждан, репрессированных из «семейских» районов Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е гг. В заключении автор приходит к выводу о том, что главным источником для определения статистических данных являются материалы архива ФСБ по Республике Бурятия, на основе которых составлены списки 7 томов «Книги Памяти жертв политических репрессий». Анализ, проведенный автором, подтверждает вывод о том, что процесс реабилитации затронул не все категории репрессированных граждан в Республике Бурятия.

Ключевые слова: политические репрессии, Бурят-Монголия, материалы архива ФСБ по РБ, «Книга Памяти жертв политических репрессий», районы компактного проживания потомков «семейских».

В последние десятилетия появилось немало исследований, в которых объективно освещается история советского общества вообще и политических репрессий в частности [1].

В этой связи исключительно важное значение имела публикация документов о реабилитации лиц, пострадавших во время массовой коллективизации, раскулачивания, в годы «Большого террора» в Забайкалье [2]. Материалы 7 томов «Книги Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия», вышедших в свет в 2007–2012 гг., являются нетленным памятником невинно пострадавшим нашим землякам и источниковой базой научных исследований.

Основным источником для написания настоящей статьи явились материалы уголовных дел, содержащиеся в томах Книги Памяти. Кроме этого нами использованы документы Государственного архива Республики Бурятия, архива УФСБ РФ по РБ, а также материалы полевых исследований.

Таблица 1
Число реабилитированных граждан
в Республике Бурятия по Книгам Памяти

№ тома	Мужчины	Женщины	Всего
1	2 470	57	2 527
2	1 802	59	1 861
3	1 765	50	1 815
4	1 759	53	1 812
5	1 631	42	1 673
6	1 441	47	1 488
7	1 058	26	1 084
Итого	11 926	334	12 260

Данные, содержащиеся в таблице 1, являются результатом нашего подсчета. Составители Книги Памяти общее количество реабилитированных граждан по Республике Бурятия, включенных в списки 7 томов, называют 12 753 человека [Т. 7, с. 3]. Фактически же число реабилитированных несколько меньше, т. к. во всех томах и по всем районам имеются механические повторы, когда одно уголовное дело записано дважды, к примеру, И. Г. Антонов, И. Т. Алексеев, П. С. Афанасьев, П. М. Власова, Я. М. Болонев, Д. П. Матвеевский записаны дважды, а их земляк М. И. Гордеев записан трижды. Из 17 Заиграевых дважды записаны трое. Из 14 Ковалевых — четверо, так же дважды занесены в Книги четверо Назаровых. Кроме этого, довольно часто повторяются лица, которые были судимы в 1929–1932 гг., а в 1937–1938 гг. они арестовывались вторично и, как правило, приговаривались к высшей мере наказания или длительным срокам лишения свободы. К таковым относятся: Ф. Ф. Алексеев и П. И. Болонев из Большого Куналея, А. Ф., А. Н., А. Ф. и С. Х. Борисовы из Куйтуна, Д. А. Матвеев, М. П. Лаптев, Е. К. Пискунов и М. П. Степанов из Десятниково. Так же дважды судимы были С. Ф. Ананьин, И. В. Бошмаков, В. Д. и С. Р. Бондаренко, И. И., И. М. и В. И. Афанасьевы из Бичуры и другие. Только по Тарбагатайскому району повторные записи зафиксированы по двадцати семи фамилиям, тем самым, по сравнению с записанным в Книгах Памяти, число фактически реабилитированных граждан сократилось на 43 человека. Аналогичная картина наблюдается по всем другим районам. Так, Л. О. Аршанов из Кяхтинского района в разные годы арестовывался, был судим и реабилитирован трижды. Он, к счастью, остался жив. А вот трижды судимый Т. Аюрзанаев был приговорен к высшей мере наказания (ВМН).

Надо надеяться, что перевод текста Книг Памяти на электронные носители позволит устранить эти неточности и назвать истинное число лиц реабилитированных.

Конечно, сведения не о всех реабилитированных гражданах вошли в 7 томов Книг Памяти. Об этом свидетельствуют такие факты: отсутствуют сведения о репрессированных: С. П. Балдаев, Д. П. Гомбоин, Н. И. Занданов, О. А. Жеребцов, Л. Линховоин, А. М. Убугунов, И. С. Шангаев, М. П. Хабаев [3] и другие.

Об острой необходимости продолжения работы по выявлению, обработке архивных документов и публикации сведений о реабилитированных граждан, о

масштабах этой работы свидетельствуют и такие факты: в Книге Памяти зафиксированы фамилии тридцати двух уроженцев села Десятниково, из них только 15 человек упоминается в списке из 61 человека, составленном М. А. Пыкиным. В этом скорбном списке числятся двадцать два человека по фамилии Чистяков, а в Книгах памяти имеются сведения о четырех. Уместно отметить, что в 1917 г. в с. Десятниково имелось 38 домовладельцев Чистяковых, в семьях которых насчитывалось 245 человек, в том числе 128 мужчин и 117 женщин [4]. Нам удалось установить имена еще двух Чистяковых, расстрелянных в январе 1938 года и реабилитированных. К сожалению, имена всех трех расстрелянных и осужденных по уголовному делу № 3015 [5] в Книгах Памяти отсутствуют.

Материалы, представленные в Книгах Памяти, содержат богатую информацию, которая позволяет назвать поименно репрессированных граждан в разрезе районов и отдельных поселений Республики Бурятия; проанализировать половой, возрастной и национальный состав репрессированных граждан, выявить время и степень их наказания.

В настоящей работе нами предпринята попытка анализа списка реабилитированных — уроженцев Тарбагатайского, Бичурского, Мухоршибирского и Заиграевского районов, в которых в первой половине XX столетия компактно проживало большинство семейских. При этом следует учитывать, что названия населенных пунктов и районов в уголовных делах приводятся по действующему в период репрессий административному делению, и они зачастую расходятся с ныне существующими. Поэтому приводимые нами данные по районам и селениям не могут быть полными и абсолютно точными.

Таблица 2
Число реабилитированных граждан
по «семейским» районам

Район	Всего человек	В том числе	
		Мужчины	Женщины
Бичурский	536	526	10
Заиграевский	417	409	8
Мухоршибирский	986	971	15
Тарбагатайский	508	492	16
Всего в четырех районах	2 447	2 398	49
Остальные районы	9 813	9 524	299
Итого	12 260	11 922	338

Данные таблицы № 2 показывают: 1) удельный вес репрессированных по «семейским» районам составляет 20,2% от общего числа всех реабилитированных в Республике Бурятия, это означает, что репрессии в семейских районах имели большие масштабы; 2) удельный вес указанных в списке реабилитированных женщин по семейским районам составляет 1,9%, а по остальным районам — 2,9%; 3) почти 40% реабилитированных по 4 районам — уроженцы Мухоршибирского района. Это объясняется тем, что политика раскулачивания и форсированной коллективизации привела к обострению классовый борьбы в деревне, которая вылилась в социально-политический протест и привела к массовым воору-

женным восстаниям в наиболее крепких в экономическом отношении сельскохозяйственных районах республики. По данным Д. Л. Доржиева, в четырех крестьянских восстаниях в Бичурском, Мухоршибирском, Селенгинском и в «семейских» селах Хоринского районов в 1930–1931 гг. участвовало около 2,5 тысяч человек, из которых 120 человек осуждены к ВМН — расстрелу [6].

Анализ сведений, содержащихся в Книгах Памяти, существенно дополняет картину восстаний, позволяет назвать конкретные фамилии восставших.

О масштабах репрессий в разные годы говорят данные таблицы 3.

Таблица 3
Число уголовных дел реабилитированных граждан по времени их репрессий

Район \ Год	1920–1936	1937–1939	1940–1957	Всего
Бичурский	229	243	64	536
Заиграевский	169	192	56	417
Мухоршибирский	711	206	69	986
Тарбагатайский	211	197	100	508
Четыре района	1 320	838	289	2 447
Остальные районы	4 258	3 917	1 638	9 813
Итого	5 578	4 755	1 927	12 260

Подсчеты показывают, что удельный вес реабилитированных по республике репрессированных в 1920–1930 гг. составляет 45,5% при этом большая часть репрессированных в этот период приходится на 1929–1932 гг. Эта закономерность еще более прослеживается по «семейским» районам, в которых на этот период приходится 53,2% от репрессированных за все годы. Особенно большой удельный вес (72,%) — по Мухоршибирскому району, в котором по восстанию 1931 г. проходило свыше 1 700 человек.

Надо сказать, что власти относительно мягко обошлись с восставшими Мухоршибирского района: большая часть из них к следственному разбирательству не привлекалась или следствие было прекращено. ВМН была применена к семи человекам из числа руководителей повстанческой организации. А вот к участникам Леоновского восстания применялись более жестокие меры — в апреле 1932 года 36 человек были расстреляны [6].

Всего в период с 1920–1936 г. по «семейским» районам ВМН применялась 23,3% к общему числу приговоренных к данной мере наказания. По остальным районам удельный вес приговоренных к высшей мере наказания в этот период составлял 15,2%.

Еще более крупный масштаб репрессий наблюдался в годы «Большого террора». В истории политических репрессий в СССР особое место занимает 1937 г., в течение которого масштаб репрессий лавинообразно нарастал. Так, в соответствии с оперативным приказом Народного комиссара внутренних дел Союза ССР Н. Ежова за № 00447 с августа во всех республиках, краях и областях была начата беспрецедентная операция по репрессированию бывших кулаков, активных

антисоветских элементов и уголовников. В этом приказе преступно расширились контингенты лиц, подлежащих репрессиям, меры их наказания, устанавливался срок проведения операции: требовалось начать операцию 5 августа и закончить в четырехмесячный срок [7]. За 1937–1938 гг. в республике было арестовано 6 836 человек, из них было осуждено «тройками» и комиссией НКВД — 4 491 человек. Из их числа — по первой категории (расстрел) — 2 398 человек [8].

По нашим подсчетам, в 7 томах Книг Памяти имеются сведения по 4 755 уголовным делам за 1937–1939 гг., по которым к ВМН было приговорено 1 487 человек, или 77,9% от общего числа расстрелянных за все годы.

Таблица 4
Число реабилитированных граждан,
приговоренных к ВМН

Район \ Год	1920–1936	1937–1939	1940–1957	Всего
Бичурский	22	105	4	131
Заиграевский	12	73	2	87
Мухоршибирский	43	77	2	122
Тарбагатайский	29	82	3	114
Четыре района	106	337	11	454
Остальные районы	221	1 150	84	1 455
Итого	327	1 487	95	1 909

Репрессии обрушились и на женщин: служащих, колхозниц, домохозяек. Так, женщины села Десятниково: А. П. Иванова была выслана в 1930 г. на север, Е. М. Степанова была осуждена в 1938 г. на 10 лет лишения свободы, этот же срок получила в 1942 г. З. М. Спиридонова вдова, мать троих детей.

Таблица 5
Число женщин в составе
реабилитированных граждан

Район \ Год	1920–1936	1937–1939	1940–1957	Всего
Бичурский	5	2	3	10
Заиграевский	–	2	6	8
Мухоршибирский	9	3	3	15
Тарбагатайский	1	6	9	16
Четыре района	15	13	21	49
Остальные районы	52	73	164	289
Итого	67	86	185	338

Как видно из таблицы 5, репрессии женщин нарастали с каждым годом, но больше половины (54,7%) приходится на военный и послевоенный периоды. Прискорбно, что 7 женщин были приговорены к ВМН. Это М. В. Адамчикова, Е. Н. Арбутовская, Н. Г. Васютинская-Самитова, Д. Ж. Галсанова, М. М. Дмитриева, П. И. Наумова-Цеопа и У. И. Огурцова

Анализ списков реабилитированных по национальности показывает, что преобладают русские, на втором месте — буряты и на третьем — китайцы, которых только в 1 томе зафиксировано 37 человек. Из них 24 (77,4%) были расстреляны.

По степени наказания наблюдается примерно равная пропорция по районам и селам. К примеру, из 508 уголовных дел уроженцев Тарбагатайского района 173 были прекращены (34%), 95 (8,7%) приговорены от 3 до 5 лет лишения свободы или ссылки, 126 (24,8%) были осуждены от 6 до 10 лет, 114 (22,4%) приговорены к ВМН.

Из 38 уроженцев села Десятниково, фигурирующих в Книгах Памяти, 14 человек получили наказание в виде ссылки и лишения свободы, 13 человек — от 6 до 8 лет, 4 уголовных дела были прекращены и 7 человек приговорены к ВМН. Кроме этого, нам известны имена еще трех уроженцев этого села, арестованных в декабре 1937 г. и расстрелянных в январе 1938 г., реабилитированных во второй половине 50-х годов XX века (С. Г. Вишняков, В. М. и М. Г. Чистяковы).

Наибольшее число репрессированных по Тарбагатайскому району зафиксировано в селах Большой Куналей (154 уголовных дела) и Куйтун (94).

Интерес представляет возраст реабилитированных на момент репрессий. Из 32 уроженцев села Десятниково возраст репрессированных составлял от 26 лет до 30, от 31 года до 40 и от 60 до 70 лет — по 5 человек, в возрасте от 41 до 50 лет — 9 человек, от 50 до 60 лет — 6 человек и 2 человека: 78-летний М. П. Вишняков и 83-летний М. В. Натальин были приговорены к ВМН.

Анализ фамильного состава реабилитированных граждан показывает, что в семи томах чаще всего встречается фамилия Бадмаев (268), в том числе 38 человек Закаменского и 32 человека Селенгинского районов, 65 человек — Бадмаевых (24,2%) — были приговорены к ВМН. В первом томе зафиксировано 100 Афанасьевых, из них 90 — в семейских районах (43 — в Бичурском, 30 — в Заиграевском, 10 — в Тарбагатайском и 7 — в Мухоршибирском районах). А всего же во всех томах Афанасьевых насчитывается 143 человека. Фамилия Иванов зафиксирована 136 раз, Алексеев и Павлов — 59, Борисов — 53, Кушнарев и Медведев — 33, Васильевых — 32. К концу 1938 г. масштаб репрессий достиг катастрофических размеров. Это вызвало необходимость принятия 17 ноября 1938 г. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которое запретило органам НКВД и прокуратуры производство каких-либо массовых операций по арестам и выселениям; ограничило размах репрессий и упорядочило ведение следствия, ликвидировало судебные «тройки», потребовало соблюдения законности в соответствии с Конституцией СССР [9]. Вскоре были наказаны и «конкретные виновники» допущенных злоупотреблений и беззакония. Были арестованы и расстреляны руководители центральных и местных органов НКВД, в их числе и руководители НКВД БМАССР (Ткачев, Полканов и Гайковский).

Анализ уголовных дел реабилитированных граждан показывает, что более 1/3 дел прекращались по разным обстоятельствам, только за 1938–1940 гг. в республике было освобождено 536 человек. Прискорбно, что немало уголовных дел прекращались «в связи со смертью». Только за 1938 год в улан-удэнской тюрьме умерли 428 человек [10].

Репрессии продолжались и после 1940 г. вплоть до 1957 г., то есть когда уже началась массовая реабилитация. За этот период число реабилитированных составило 1 927 человек или 15,7% от всех реабилитированных, в семейских районах этот процент составил 11,6.

Таковы некоторые аспекты истории политических репрессий 20–50 гг. XX столетия в Республике Бурятия.

Литература и примечания

1. Неизвестные страницы истории Бурятии (из архивов КГБ. Вып. 3. Улан-Удэ, 1992; Доржиев Д. Л. Крестьянские восстания и мятежи в Бурятии в 20–30 годы. Улан-Удэ, 1993. 82 с.; Доржиев Д. Л. Социально-политический протест и вооруженные выступления крестьянства в Бурятии на рубеже 1920–1930-х гг. Улан-Удэ, 1996. 180 с.; Цыренова М. Г. История политических репрессий. Вып. 1. Улан-Удэ. Вып. 2. 2010. 180 с.; Найданова Н. Репрессивная политика государства в 20–30-е гг. по материалам «Книги Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия» // Развитие городских поселений Байкало-Азиатского региона. Улан-Удэ, 2006. Ч. 2. С. 140–143; Судьбы человека в тоталитарном государстве 1920–1950-е гг.: мат-лы конф. Улан-Удэ, 2012 и др.
2. Книга Памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. Т. 1–4. Чита: Поиск; Книга Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия. Улан-Удэ. Т. 1. 2007. 292 с. Т. 2. 2009. 216 с. Т. 3. 2010. 252 с., Т. 4. 2012. 240 с. Т. 5. 2011. 248 с.; Т. 6. 2012. 240 с.; Т. 7. 2012. 232 с.
3. Архив УФСБ РФ по РБ Д. 2002 Т. 1, 2, 3, 4; Д. 2888. Т. 2.; Д. 5322.
4. Подсчитано нами по данным: Государственный архив Республики Бурятия Ф. 352. Оп. 1. Д. 532, 533.
5. Архив УФСБ по РБ. Д. 7471/с.
6. Доржиев Д. Л. Социально-политический протест и вооруженные выступления крестьянства в Бурятии на рубеже 1920–1930-х гг.: монография. Улан-Удэ, 1996. С. 136.
7. Книга Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия / сост. С. В. Васильева [и др.]. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. Том 3. С. 24–25.
8. Книга Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия / сост. С. В. Васильева [и др.]. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. Т. 1. С. 11.
9. Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 1. Книга первая. Москва: Книга и бизнес, 1995. С. 3–9.
10. Архив УФСБ по РБ Д. 2888. Т. 2. С. 130.

References

1. Neizvestnye stranitsy istorii Buryatii (iz arkhivov KGB. Vyp. 3. Ulan-Ude, 1992; Dorzhiev D. L. Krest'yanskije vosstaniya i myatezhi v Buryatii v 20–30 gody. Ulan-Ude, 1993. 82 p.; Dorzhiev D. L. Sotsial'no-politicheskii protest i vooruzhennye vystupleniya krest'yanstva v Buryatii na rubezhe 1920–1930-kh gg. Ulan-Ude, 1996. 180 p.; Tsyrenova M. G. Istoriya politicheskikh repressii. Vyp. 1. Ulan-Ude. Vyp. 2. 2010. 180 p.; Naidanova N. Repressivnaya politika gosudarstva v 20–30 gg. po materialam «Knigi Pamyati zhertv politicheskikh repressii v Respublike Buryatiya» // Razvitie gorodskikh poselenii Baikalo-Aziatskogo regiona. Ulan-Ude, 2006. Ch. 2. pp. 140–143; Sud'by cheloveka v totalitarnom gosudarstve 1920–1950-e gg.: mat-ly konf. Ulan-Ude, 2012 i dr.
2. Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressii v Vostochnom Zabaikal'e. T. 1–4. Chita: Po-isk; Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressii v Respublike Buryatiya. Ulan-Ude. T. 1. 2007. 292 p. T. 2. 2009. 216 p. T. 3. 2010. 252 p., T. 4. 2012. 240 p. T. 5. 2011. 248 p.; T. 6. 2012. 240 p.; T. 7. 2012. 232 p.
3. Arkhiv UFSB RF po RB D. 2002 T. 1, 2, 3, 4; D. 2888. T. 2; D. 5322.
4. Podschitano nami po dannym: Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya F. 352. Op. 1. D. 532, 533.
5. Arkhiv UFSB po RB. D. 7471/s.
6. Dorzhiev D. L. Sotsial'no-politicheskii protest i vooruzhennye vystupleniya krest'yanstva v Buryatii na rubezhe 1920–1930-kh gg.: monografiya. Ulan-Ude, 1996. p. 136.
7. Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressii v Respublike Buryatiya / sost. S. V. Vasil'eva [i dr.]. — Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2010. — Tom 3. p. 24–25.

8. *Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressii v Respublike Buryatiya / sost. S. V. Vasil'eva [i dr.]. — Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2010. — Т. 1. p. 11.*
9. *Organy Gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine. Sb. dokumentov. Т. 1. Kniga pervaya. Moskva: Kniga i biznes, 1995. pp. 3–9.*
10. *Arkhiv UFSB po RB D. 2888. Т. 2. p. 130.*

TO THE ISSUE OF REPRESSIONS IN THE “SEMEISKY” REGIONS
OF BURYAT-MOGOLIYA IN THE 20s–30s OF THE 20th CENTURY

Vasily M. Pykin
Cand. Sci (History), A/Prof.
Department of History of Buryatia
Buryat State University
E-mail: sv_vasilieva@mail.ru

The article is devoted to the analysis of statistical data included in the seven volumes of the Book on Memory of Victims of Political Repressions in the Republic of Buryatia. Particular attention is paid to identifying the exact number of citizens repressed from the “semeisky” regions of the Buryat-Mongolian ASSR in the 1920s–1930s. In conclusion, the author comes to the conclusion that the main source for determining statistical data is the materials of the FSB Archive for the Republic of Buryatia, on the basis of which the lists of seven volumes of the Book on Memory of Victims of Political Repressions have been compiled. The analysis carried out by the author confirms the conclusion that the rehabilitation process affected not all categories of repressed citizens in the Republic of Buryatia.
Keywords: Political repressions, Buryat-Mongolia, materials of the FSB archive for the RB, Book on Memory of Victims of Political Repressions, regions of compact residence of “semeisky” descendants.